

Геополитика

УДК 327(470+481)(091)(045)

Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне

© **Нильсен** Йенс Петтер, профессор, институт истории и религиоведения, Университет Тромсе, (Норвегия). Контактный телефон: +47 4 43 54. E-mail: jens.petter.nielsen@uit.no.

© **Зайков** Константин Сергеевич, докторант, институт истории и религиоведения, Университет Тромсе, (Норвегия). Контактный телефон: +47 968 235 89. E-mail: konstantin.zaikov@uit.no.

В статье авторы анализируют основные вехи в истории российско-норвежской границы, выделяя три ключевых этапа: 1) Средние века и раннее Новое время – это период существования фронтальной зоны и общего фискального округа, постепенно сокращающихся в процессе проникновения государства на Север; 2) советский период с почти герметичной государственной границей; 3) современный период, отличающийся интеграционными процессами, прозрачными границами и инициативами по созданию современных форм «общего округа».

Ключевые слова: *российско-норвежская граница, Поморская зона, общие округа, история, российско-норвежские отношения.*

The Norwegian-Russian Arctic Borderland: from the common districts till Pomor zone

© **Nielsen** Jens Petter, Professor, Institute of History and Religious Studies, University of Tromsø (Norway). Contact Phone: +47 4 43 54. E-mail: jens.petter.nielsen@uit.no.

© **Zaikov** Konstantin, Ph.D., Institute of History and Religious Studies, University of Tromsø (Norway). Contact Phone: +47 968 235 89. E-mail: konstantin.zaikov@uit.no.

Abstract

In the present article the authors analyse the history of the Norwegian-Russian state border. Three main periods are pointed out. In the middle ages and Early Modern Period there existed a large frontier or common taxation district. Thence the common district gradually shrank until in 1826 a permanent territorial border was drawn. In the Soviet epoch the border became almost hermetically closed. To-day it is again opening up and politicians and researchers on both sides

are discussing the possibility of establishing a joint Special Economic Zone (SEZ), a new and modern form of “common district”.

Keywords: *the Russian-Norwegian border, the Pomor zone, the general districts, history, the Russian-Norwegian relations.*

Идея создания особой экономической зоны (ОЭЗ), так называемой «Поморской зоны», располагающейся вдоль субарктического побережья Баренцева моря в пограничной области между Россией и Норвегией, является инициативой, не так давно принятой правительствами обеих стран [1, 2009]. Однако в истории российско-норвежских приграничных отношений идея единой приграничной зоны не нова. В XVIII – начале XIX веков прототипом современной Поморской зоны, единого микрорегиона, было пространство «общих округов» (Южный Варангер), включавшее территорию современного расположения норвежско-русской границы. Общее пространство сложилось еще в Средние века, и оно было намного больше территории «округов» XIX века. Географически они охватывали весь Финнмарк («саамскую землю») – береговую линию, приблизительно от современного Тромсе в Северной Норвегии до Белого моря на востоке, а также огромные территории во внутренних районах Северной Фенноскандинавии и Кольского полуострова. Обозначенное пространство соответствует территории, которую в настоящее время мы называем Северный Калот (Заполярье), включающей, в широком понимании, также и Кольский полуостров. Первоначально эта территория была однородной. Вплоть до XIII века Финнмарк представлял собой единый культурный регион с низкой плотностью коренного саамского населения. Между различными саамскими сийтами и их территориями, конечно, существовали границы, но данная область была безграничной в том смысле, что там не существовало границ между государствами [2, с. 31–95].

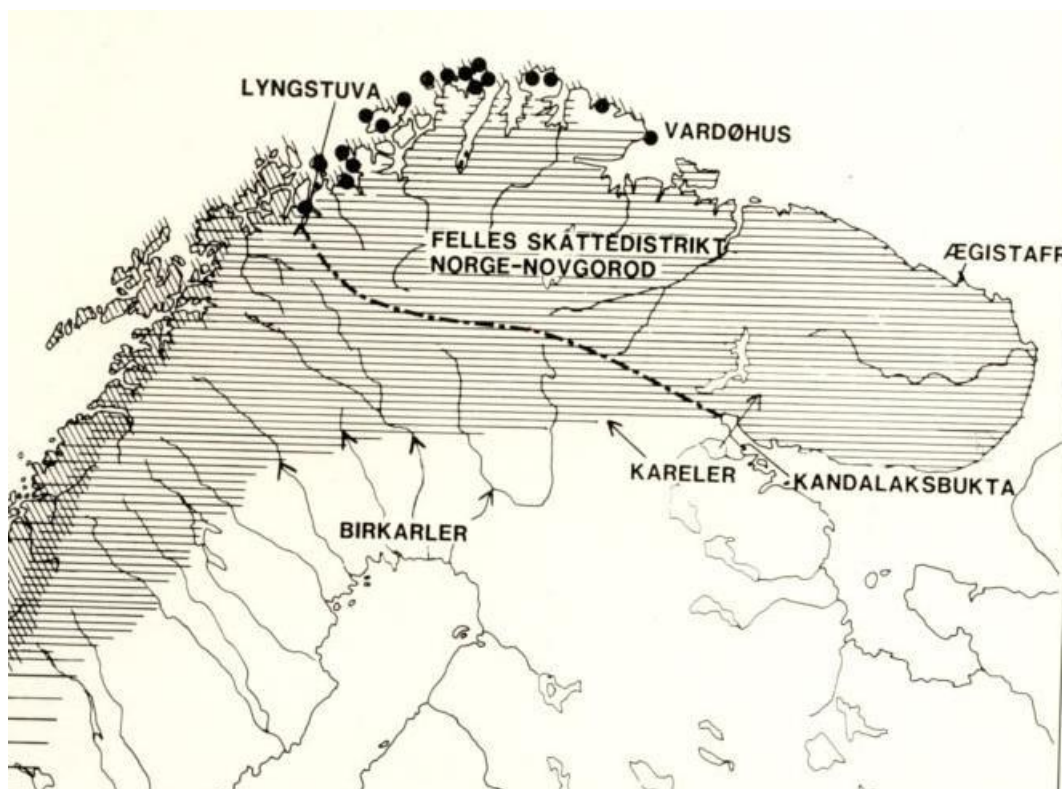

Рис. 1. На карте 1 изображен немного более поздний период. Черные точки обозначают норвежские рыбацкие поселения вдоль побережья

Перед анализом исторической динамики развития российско-норвежского пограничья обратимся к таким категориям, как граница, общество и государство, взаимоотношениям между границей и государством, значениям границ для общества в целом.

Демаркация и поддержание границ являлось и, наверное, до сих пор является первоочередной задачей современного государства. Поэтому одной из основополагающих характеристик суверенитета является способность и желание государства к проведению линий границ между собственной территорией и территориями соседних стран, введению правил, регулирующих потоки товаров и людей через установленные границы, что подчеркивает национальную самостоятельность и исключительность. В то же время ясно, что точное территориальное разграничение посредством границ не является универсальной чертой всех обществ, существовавших во все времена. Способность к демаркации и поддержанию границ прежде всего характерна современному обществу и является кульминационной точкой столетнего развития, когда значение границ менялось вместе с изменяющейся социальной структурой общества.

Изначально в Европе не существовало точных линий границ, а присутствовали лишь пограничные или транзитные зоны между королевствами в обличье лесов и пустынных местностей. Неясность границы была одной из основных характеристик феодальной эпохи, где никогда не существовало территориально четко ограниченных политических субъектов [3, 1992]. Постепенно неопределенные отношения властных субъектов в сфере суверенитета сменились более точными определениями понятий прав собственности и зон юрисдикции власти. Это изменение было закреплено с подписанием Вестфальского мира в 1648 году, когда была сформулирована известная доктрина государства как независимого политического субъекта. Великие европейские державы согласились соблюдать принцип территориальной целостности. Впервые государство было выдвинуто на передний план в качестве гаранта внутреннего порядка, собственника и исполнителя принципа территориального суверенитета. Однако в раннее Новое время у правителей зачастую не хватало точной информации о собственном государстве: количестве населения, природных ресурсах, объеме владений. Даже когда была признана потребность в государственных границах, установление границ было делом довольно проблематичным [4, 1986].

Систематическое картографирование физического ландшафта, исследование природных ресурсов, широкое использование карт и статистических данных стали широко применяться в Европе лишь с начала XVIII века. Установление границ, обозначающих территорию государства, стало проще с практической точки зрения. Тем не менее потребность в территориальном контроле и четких физических границах еще больше возросла в XIX веке. Это было связано с распространением идей «народного суверенитета» и «национального государства». В то время как язык и культура все более и более становились орудиями национальной интеграции, еще сильнее возросла потребность и в четком обозначении границ. Теперь границы формировали физико-политические пределы национально-культурных субъектов, удерживая их целостность и защищая от внешнего проникновения [5, 1997].

Северный Калот в эпоху раннего Средневековья являлся безграничной областью в том смысле, что там не существовало государственных границ. Позднее эта территория вошла в единый поток общеевропейского развития, и уже через несколько столетий это привело к образованию наций, отделенных друг от друга линиями постоянных границ, проведенных соседствующими государствами. В некоторой степени этот регион отклонялся от общей европейской модели эволюции границ. Главным его отличием было то, что пограничные линии на Европейском Севере были проведены довольно поздно относительно других европейских микрорегионов. Например, постоянная норвежско-шведская (или, лучше сказать, норвежская и шведско-финская) граница в Северном Калоте впервые была установлена только в 1751 году, а норвежско-российская (или норвежская и российско-финская) граница лишь в 1826 году, т. е. менее чем 200 лет назад. Как можно объяснить такую задержку с демаркацией границ на крайнем севере Европы?

Существовало несколько факторов, которые препятствовали точному разграничению и проведению демаркационных линий. Одним из значимых факторов, вероятно, являлась огромная протяженность Северного Калота. Другим фактором была слабая плотность населения и его периферийное расположение по отношению к центру. Властвующим субъектам потребовалось много времени для обеспечения контроля над территорией посредством строительства церквей, колонизации, создания системы церковного и светского управления. И, может быть, государства не стремились спешить с установлением границ, потому что желали территориальной экспансии [2, с. 31–95].

Без сомнения, саамская культура и вопрос хозяйственной адаптации саамов так же были очень важны. Традиционная саамская промысловая культура основывалась на экстенсивном использовании земли. С началом весны саамы кочевали с мест зимовок во внутренние области региона и далее на летние стоянки вдоль побережья морей и берегов рек с целью наиболее эффективного использования природных ресурсов в разные времена года. Осенью они могли оказаться в иных пунктах обитания. С распространением в XVII веке оленеводства значение кочевого хозяйства у саамов возросло.

Возможно, это было уникальным явлением Северной Европы XIX века, но известно, что такая ситуация встречалась и в других частях мира, где преобладало население с кочевым образом жизни. Например, схожая форма полукочевого хозяйства встречалась и у монгольских племен, которые циклически перемещались через китайско-монгольскую границу, о чем в середине XX столетия писал антрополог Оуэн Латтимор. Для монгольских кочевников отдельно взятое пастбище не представляло собой ценности, т. к. быстро истощалось. Наоборот, право передвижения было намного важнее права оставаться на одном месте [6, с. 534]. Также и для саамов решающим фактором было сохранение права свободного перемещения. Проведение границы в Северном Калоте могло создать барьеры их традиционным маршрутам передвижения. Без сомнения, ежегодная цикличность саамских миграций замедляла процесс установки постоянных границ.

Вместо определения территориальных рубежей Норвегия и Россия на протяжении долгих столетий мирились с существованием огромных общих владений, где право государства на налогообложение было привязано не к конкретной территории, а к конкретным

группам саамов [2, с. 31–95]. Это позволяло взимать налоги с саамов там, где они находились в определенный сезон года без убытков для государственной казны. Привязка фискальной юрисдикции к этносу, а не к определенному физическому пространству, являлась сутью пограничного договора, заключенного между норвежским королем и великим новгородским князем в 1326 году¹.

С началом миграций более развитых наций из южных районов Скандинавии, Финляндии и России общие норвежско-российские владения стали постепенно сокращаться. Новые поселенцы создавали собственное экономическое пространство, интегрируя новые земли, которые со временем стали продолжением национальных территорий. Соперничество между ними привело к тому, что с саамов стали взимать несколько налогов. Считалось, что чем больше налога удавалось собрать, тем больше было прав на землю. Позднее шведский король предъявил притязания на общую территорию, ссылаясь на сбор налогов так называемыми биркарлерами в позднем Средневековье. Во второй половине XVI века прибрежные саамы в Северной Норвегии должны были платить налог трем различным правителям – датско-норвежскому королю, шведскому королю и российскому царю [7, с. 40–61].

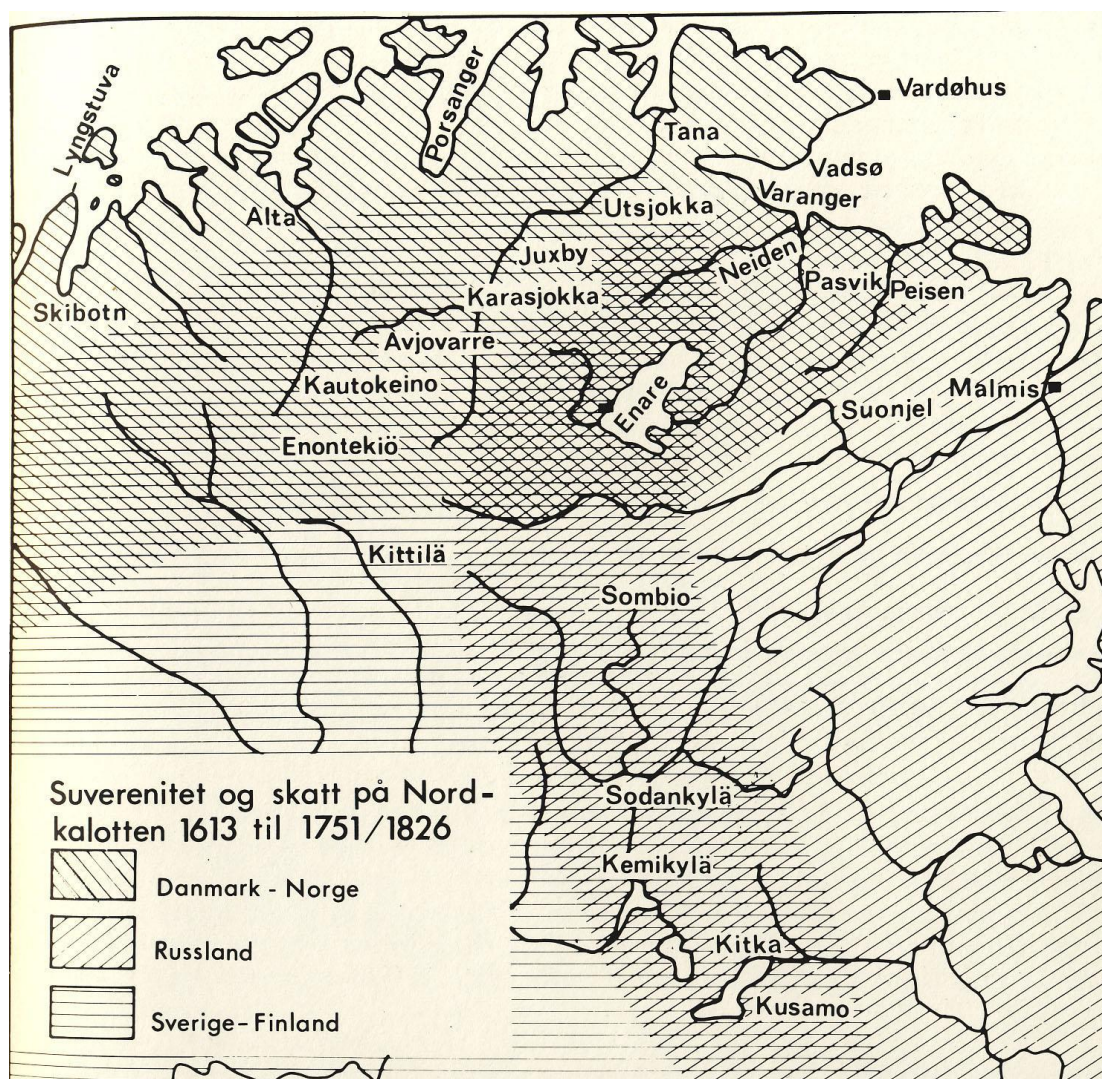

Рис. 2. Штриховкой на карте показаны зоны суверенитета и фискальной юрисдикции Дании – Норвегии, России и Швеции – Финляндии

¹ Биркарлеры – финские купцы, занимавшиеся торговлей с саамами и собиравшими с них налоги от имени шведского короля.

В течение XVII и XVIII веков территория «общих округов» стала постепенно сокращаться. Война 1611–1613 годов (Кальмарская война) между Данией – Норвегией и Швецией прежде всего была связана с вопросом о том, какое государство будет контролировать побережье Финмарка. Проиграв войну, Швеция должна была уйти с прибрежной территории Финмарка. Лишь в 1751 году была установлена постоянная государственная граница между Швецией и Норвегией по плоскогорью Финнмарксвидда. После завоевания Россией Финляндии в 1808–1809 годах и последующего подписания мирного договора в Хамине Швеция должна была отказаться от своего права на сбор налогов в районе о. Энаре.

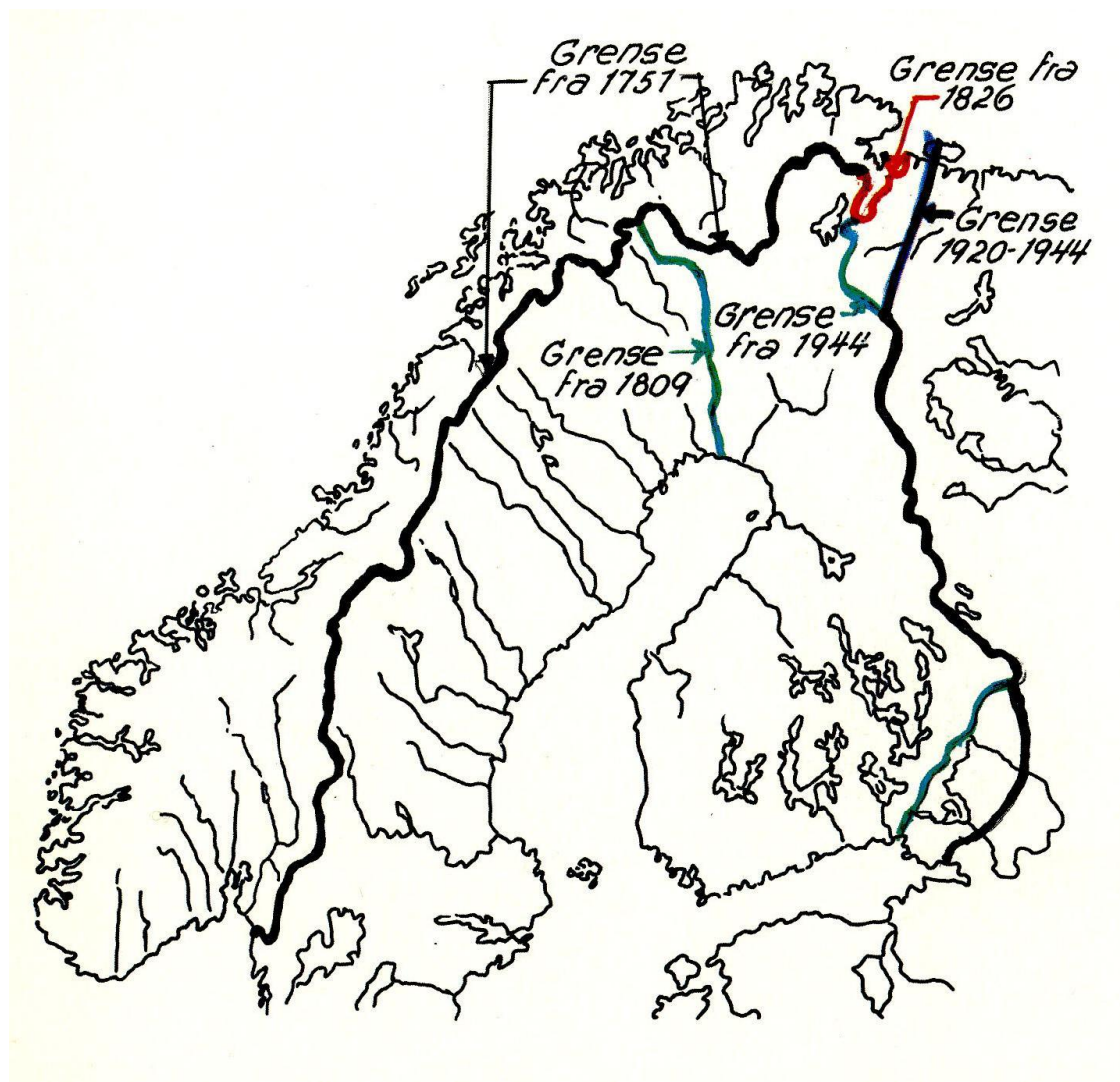

Рис. 3. На карте указаны даты установки государственных границ

После этого от первоначальных общих владений осталась только небольшая полоска земли в области Варангера, которая была совместным норвежско-российским владением.

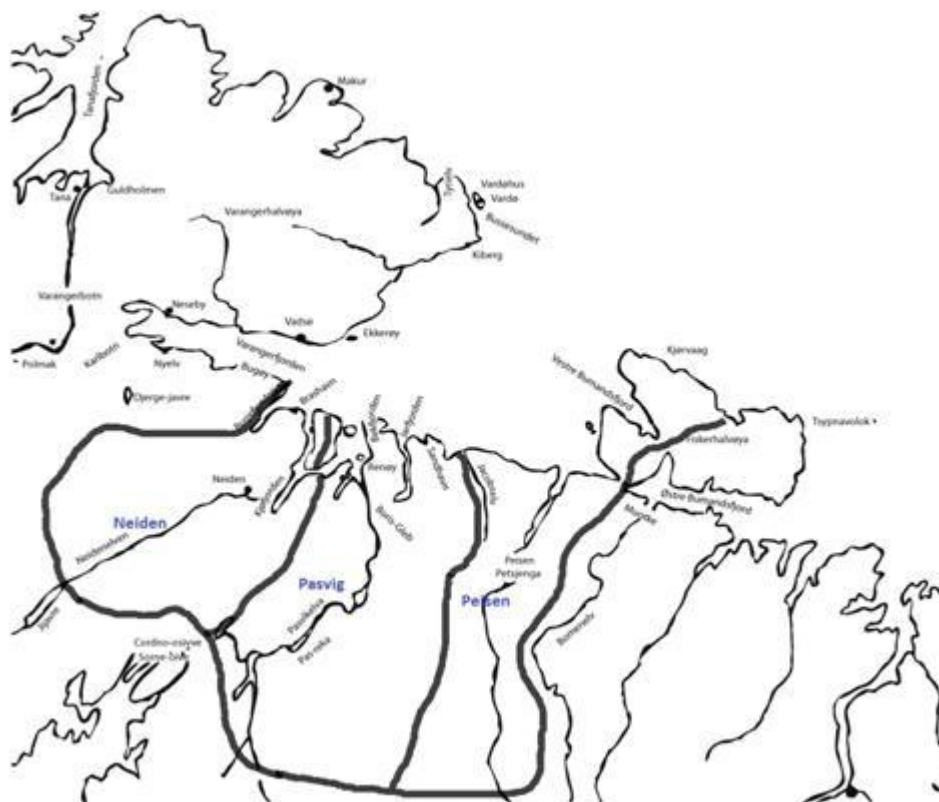

Рис. 4. На рисунке обозначены внешние границы общих российско-норвежских округов, а также границы трех саамских сийт, территории которых составляли общие округа

Полукочевой образ жизни норвежских и русских саамов, мигрировавших на общей территории, долгое время создавал препятствия для демаркации «общих округов» между Норвегией и Россией [8, с. 8]. Вместе с тем слабый фискальный контроль над территорией общих округов с норвежской и российской стороны способствовал формированию свободной, буферной зоны, физическими рубежами которой стали символические границы сийт (погостов) группы восточных саамов (скольтов).

Для формирования предпосылок к разграничению этих общих владений большое значение имела церковная экспансия с востока и запада. С проникновением в XVI веке протестантской и православной церковью население «общих округов» постепенно было христианизировано. Коренные жители Южного Варангера, скольты, приняли православие, признаваемые де-факто подданными России, а их северо-западные соседи, горные и морские саамы Северного Варангера, приняв протестантство, стали подданными Норвегии [9, Johnsen O. A., Никольский В. Н.]. Так физическое пространство «общих округов» стало политическим и культурным фронтиром Норвегии и России.

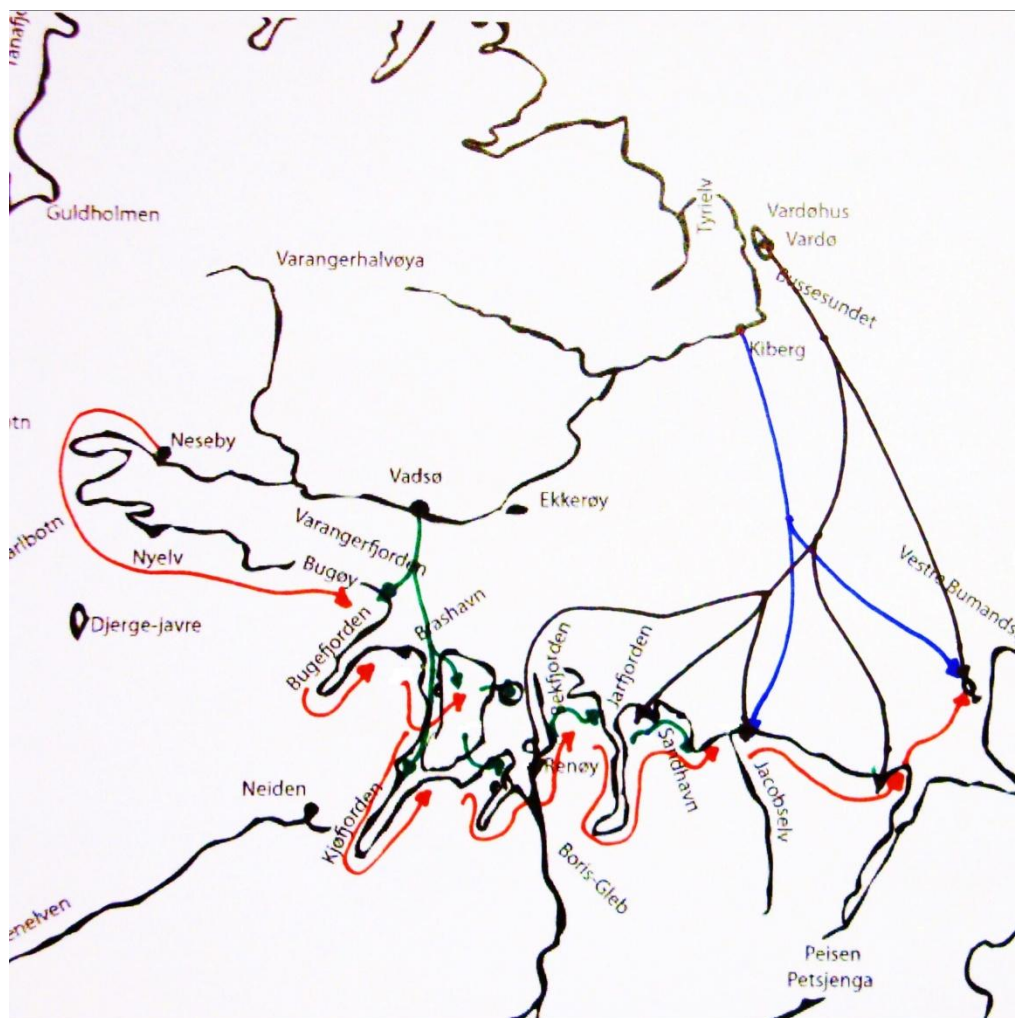

Рис. 5. Красной стрелкой указаны направления миграций норвежских саамов, черной – районы хозяйственной активности норвежского гарнизона Вадрехусю. Зеленой стрелкой указаны районы хозяйственной деятельности норвежских поселенцев из Вадсе, синей – районы хозяйственной деятельности норвежских поселенцев из Киберга

Экстенсивный характер оленеводства горных саамов, условность политической границы постепенно вели к росту миграций норвежских подданных на территории скольтов с середины XVIII века. В этот же период наблюдалось интенсивное освоение норвежскими поселенцами Северного Варангера (поселений Варде, Вадсе, Киберг) природных ресурсов «общих округов» [10, с. 39–46].

Отсутствие института границы, удобное географическое расположение погостов скольтов, высокая толерантность саамов к присутствию русских и норвежских подданных предоставляли возможность норвежским купцам и поморам, русским и норвежским саамам свободно торговать и вести совместную хозяйственную деятельность без препятствий со стороны властей обеих держав. Уже в XVIII веке территория Южного Варангера представляла собой транзитную зону, куда ежегодно с начала лета приезжали русские промышленники и норвежские купцы для произведения меновой торговли. Зависевшие от поставок из провинции Финнмарк и Архангельской губернии зерна, тканей, орудий труда, металлических изделий и предметов роскоши скольты охотно играли роль посредника в торговле между норвеж-

скими купцами и поморами². Проживая между двумя асимметричными по масштабам центрами сил, различными социокультурными общностями (протестантской, западноевропейской и православной, евразийской), скольты пытались интегрироваться в обоих направлениях российско-норвежского фронта. В то время как Норвегия и Россия постепенно шли к идее установки института границ в XVIII – начале XIX веков, саамы конструировали образ «общих округов» как единой социокультурной общности, мультикультурного микрорегиона.

Скольты были двоеданцами, но они не отождествляли себя с подданными Норвегии или России. Осознавая свое пограничное положение, они пытались балансировать между обеими державами. В зависимости от уровня норвежской и российской угроз саамы использовали обе стороны в решении хозяйственных проблем, сохраняя свою социокультурную целостность и конструируя особую пограничную идентичность. Играя стягивающую роль в экономической интеграции Архангельской области и провинции Финнмарк, саамы выступали фактором притяжения в конструировании общего района, где сталкивались экономические и политические интересы Норвегии и России.

Неясный легальный статус был выгоден населению соседствующих региональных субъектов двух стран, однако факт наличия «общих округов» вызывал большое беспокойство у властей Дании – Норвегии, поскольку считалось, что королевство легко могло быть втянуто в конфликт с великой державой – Российской Империей. Важнейшей задачей было заключение договора о демаркационной линии, которая раз и навсегда определяла бы, где заканчивалась Норвегия и начиналась Россия. Хорошие соседи нуждаются и в хороших заборах. Россия же, напротив, не спешила с разграничением и в силу различных причин предпочитала занимать выжидательную позицию. Мы знаем, что датско-норвежские власти регулярно обращались к российскому правительству по данному вопросу, но это не приводило к желаемому результату [11]. В принципе, российское правительство не препятствовало решению вопроса, но всегда имело повод, чтобы его отложить. Почему же Россия была так осторожна? Вероятно, частично это можно объяснить асимметричностью соседских отношений, т. е. отношениями между малой и великой державами. Такое соседство требовало большого внимания и желания четкого разграничения со стороны малого государства, тогда как великая держава не проявляла сходных мотивов. Другой подход объясняет это тем, что Российская империя (самодержавие) отставала от политического развития в Западной Европе. Как и другие империи прошлого, Россию особенно не интересовало установление четких границ по отношению к окружающим странам. Отсутствие синхронности во временном развитии между Востоком и Западом, возможно, было особенно заметно на Крайнем Севере, в единственном месте, где Россия напрямую соприкасалась с Западной Европой без находящейся между ними зоны Восточно- и Центрально-Европейских держав. Крайний Север был районом, где две различные системы государственного устройства как бы сливались воедино, местом, где речь шла о двух различных концепциях границы. С одной стороны, это развивающееся небольшое национальное государство с сильной потребностью в контроле над собственной территорией, а с другой – огромное, многонациональное, династическое государство, более терпимое к прозрачным границам.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 125.

Неопределенность в территориальных размерах царской России связана с относительным чувством расстояния, границ и мест в русской культуре. Это не обязательно должно восприниматься как слабость, или это была слабость, которая могла обернуться символической силой. Русские поэты, которые в XVIII веке воспевали императрицу Екатерину II, упоминали огромные размеры страны как самую главную ее особенность, символ мощи и величия. Проще говоря, Россия была так могущественна и простиралась на такие большие расстояния, что ее границы не могли быть четко обозначены [12, Medvedev S. A., Tolz Vera, Berdyaev N.]. Российская сила притяжения была сама по себе настолько велика, что не возникало необходимости устанавливать четкие границы во всех частях империи или тратить средства на укрепление суверенитета государства в периферийных областях. В отличие от Норвегии Россия могла по-прежнему существовать с размытыми и неопределенными границами на Северо-Западе.

Основание для разрешения норвежско-российского пограничного вопроса возникло лишь к концу наполеоновских войн, когда произошло сближение между Россией и Швецией после периода охлаждения отношений, вызванного российским завоеванием Финляндии. В 1812 году царь Александр I подписал договор со шведским престолонаследником Карлом Йоханом. Это означало, что у Швеции не оставалось никакой надежды вернуть Финляндию (так, по крайней мере, договор воспринимался в России). Взамен Россия обещала поддержать Швецию в ее стремлениях освободить Норвегию от Дании и в последующем объединении Норвегии со Швецией. «Соглашение 1812 года» и последующее братство по оружию в войне против Наполеона положило начало долгому периоду официальной российско-шведской дружбы. Благоклонность российского царя по отношению к Швеции – Норвегии привела к ратификации пограничного договора в 1826 году, который был достаточно выгоден для Норвегии. Похоже, что на переговорах царь не принимал во внимание скепсис со стороны финнов и российских саамов, а также со стороны общественности Архангельского Севера.

Россия и Норвегия были готовы рассмотреть вопрос о юридическом закреплении за «общими округами» статуса особой зоны экономических интересов коренного населения лишь после окончательного оформления границ внутреннего суверенитета. Вначале обеим державам пришлось разрушить старую буферную зону, для того чтобы реконструировать ее вновь, но уже в рамках существовавших норм международного права, государственных интересов и внутренних правил. Юридическое оформление общей экономической зоны с государственными органами, ответственными за контроль над хозяйственной деятельностью приграничного населения, было осуществлено только после ратификации в 1826 году пограничной конвенции. Согласно статьям конвенции были приняты специальные правила, гарантирующие особые права и привилегии для приграничного коренного населения на ведение промысла на территории соседнего государства [13, с. 154–155].

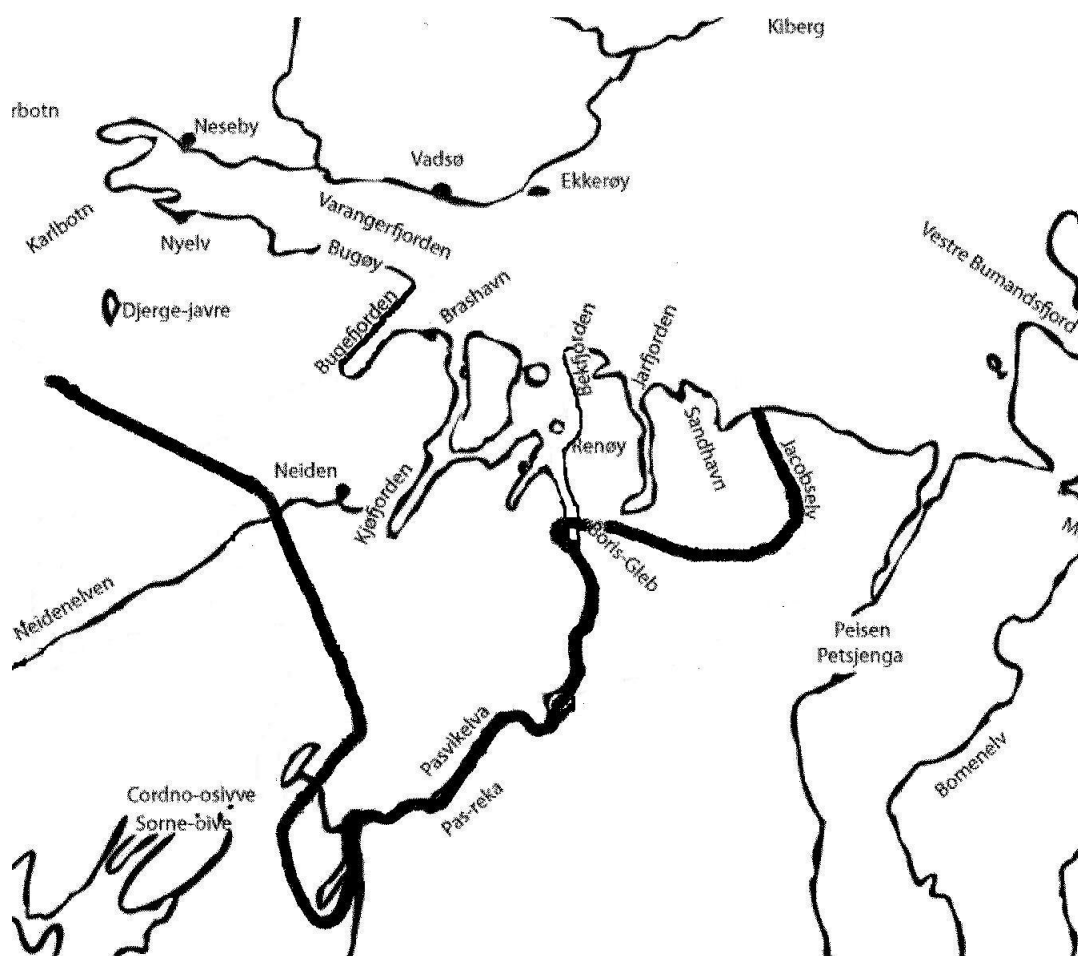

Рис. 6. Черной линией указана государственная граница между Объединенным Королевством Норвегии и Швеции с Российской Империей, установленной согласно пограничной конвенции 1826 г.

Хотя объем прав, дарованных саамам согласно 7 статьи пограничной конвенции, в 1834 году был сокращен и были сужены географические районы их реализации, существование единого микрорегиона продолжилось вплоть до 1917 года. С началом гражданской войны в России на Крайнем Севере произошли существенные геополитические изменения. Финляндия приобрела независимость и в 1920 году получила от Советской России Печенгский район. В последующее двадцатилетие норвежско-российская граница стала норвежско-финской. 19 сентября 1944 года по результату московского перемирия район Печенги был возвращен Советскому Союзу. Произошло возрождение норвежско-российской границы. Ее линия повторяла архитектуру пограничной черты, установленной конвенцией 1826 года, однако идеологические противоречия между новыми государственными акторами (Королевство Норвегия и СССР) привели к свертыванию институтов границы, отвечавших за исполнение дополнительного протокола 1834 года [14, с. 80–104]. Новый режим герметичной границы просуществовал более 40 лет. Это отчетливо отражало идеологизированную картину мира того времени и холодную войну.

Но времена изменились, и после окончания холодной войны развитие пошло в обратном направлении. Сегодня многие считают, что национальное государство ослабевает или

меняет свой характер и что это может привести к территориальным системам с размытыми границами. Если это так, то затронет ли это российские границы? Часть политиков и ученых полагают, что было бы легче достичь этого и вообще преодолеть разделение между Востоком и Западом в рамках нового транснационального регионального сотрудничества в северных областях Баренцева Евро-арктического региона, созданного в 1993 году, поскольку северная окраина Европы менее подвержена влиянию традиционных дискуссий по поводу власти, истории и идентичности [15, 2003]. *Чем дальше на Север, тем все ближе становится Восток и Запад.*

К сожалению, эти надежды пока еще полностью не оправдались, и российское руководство во время последнего срока президентского правления Владимира Путина (2000–2008 гг.) перешло к определенному застою в отношениях. По-прежнему нужно было сотрудничать с Западом, но в то же время и не страшиться конфронтации. Это рассматривалось в контексте желания воссоздать Россию как великую державу после системного кризиса 1990-х годов, который воспринимался многими россиянами как национальное унижение. В то время как ЕС старалась отойти от концепции национального государства и установить порядок, формируя свою политику, базируясь на подвижных границах, новая Россия стремилась полностью отстаивать свой суверенитет. Возможно, ситуация изменилась по сравнению с двумя столетиями ранее. В XVIII – XIX веках Россия спокойно относилась к своим фронтирным зонам и даже приветствовала режим открытых границ, Норвегия же наоборот стремилась к четким и герметичным границам. Сегодня соседи, граничащие с Россией (Финляндия и Норвегия), похоже, стремятся к более прозрачным границам, в то время как Россия продолжает опираться на Вестфальскую доктрину.

Но картина неоднозначна. Период президентского правления Дмитрия Медведева продемонстрировал большую открытость и гибкость России в подходах к решению территориальных вопросов. Так, в Норвегии нашло широкую поддержку достижение согласия с Россией в апреле 2010 года о разграничении территорий двух стран в Баренцевом море, о чем велись переговоры в течение почти сорока лет. Обе страны проявили желание отойти от своих принципов. Норвегия отстаивала принцип равноценного деления морских территорий между государствами, а Россия выступала за принцип секторов. «Общей» морской территорией считалась область, находящаяся между границами, образующимися при применении этих двух совершенно различных принципов делимитации морской границы. Ратифицированный в настоящее время договор о намерениях исходит из того, что эта «общая территория» должна быть равноценно поделена между сторонами³.

Договор о разграничении можно кратко описать как «нежданный подарок русского царя», стоящий в одном ряду с договором 1826 года. Но, по-видимому, Россия надеется получить что-то взамен уступкам, на которые они идут, сотрудничая с Норвегией в вопросе предстоящей разработки нефтяных и газовых месторождений в Баренцевом море. Норвежские власти были чрезвычайно заинтересованы в установлении точной морской границы с Россией и отклонили предложенную Россией инициативу об установлении общего контроля над этой спорной зоной Баренцева моря. На основании вышесказанного интересно отметить, что

³ URL: <http://www.regjeringen.no/nb/dep/ud/kampanjer/delelinje.html?id=614002>.

норвежское правительство в тоже время выступает за применение трансграничных мер на суше, что в действительности может привести к восстановлению там своего рода «общих округов».

Норвежские власти предложили России создать норвежско-российскую промышленную и экономическую зону сотрудничества в приграничной территории обеих стран, так называемую «Поморскую зону», деятельность которой в особенности будет связана с наступающим нефтяным веком в Баренцевом море. Россия отнеслась к этому положительно, но пока что эта идея не получила всеобщего признания [1, 2009]. Но, возможно, как шаг в продвижении этого направления можно воспринимать введение с 1 декабря 2008 года значительных послаблений визовых правил на норвежско-российской границе, а также отмену ограничений по въезду в приграничные города Никель и Заполярный. В настоящее время ведутся переговоры о безвизовом прохождении границы для жителей коммуны Южный Варангер (Норвегия) и Печенгского района (Россия). Это та область, которая довольно точно соответствует прежней территории сийт: Нейден, Пасвик и Печенга, т. е. «общим округам». Жители этой области в будущем смогут переходить границу, показывая удостоверение жителя приграничной зоны, т. е. они смогут беспрепятственно перемещаться в рамках территории, которая до 1826 года составляла общую территорию. И если вслед за этим последуют планируемые особые таможенные, экономические и транзитные соглашения, которые в соответствии с планом должны быть включены в Поморскую зону, то можно будет действительно говорить о восстановлении прежних общих норвежско-российских владений, но в современном варианте.

Литература

1. Urban Wråkber. Pomor Zone. A Cross-Border Initiative to Further Regional Development in Northern Norway and northwest Russia, Presentation at the IV Northern Social and Environmental Congress, 21–22 April 2009, Moscow.
2. Hansen L. I. Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders. In Rindal M. (ed.) Two Studies on the Middle Ages. KULTs Skriftserie No. 66. 1996. P. 31–95.
3. Ruggie J. G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations. In: International Organization, Vol. 47, No. 1. 1992.
4. Kratochwil F. Of Systems, Boundaries, and Territories: An Inquiry into the Formation of the State System. In: World Politics, Vol. 39, No. 1. 1986.
5. Häkli J. Borders in the political geography of knowledge. In: Lars-Folke Landgren & Maunu Häyrynen (eds.), The Dividing line: borders and national peripheries. Helsinki, 1997.
6. Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. London, 1962. P. 534.
7. Hansen L. I. I Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders / Ed.: T. N. Jackson, J. P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 40–61.

8. Nielsen J. P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Borders in General // *Russia – Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed.: T. N. Jackson, J. P. Nielsen. Moscow, 2005. P. 8.
9. Johnsen O. A. Finmarkens politiske historie, aktnæssing fremstillet // *Skrifter utgitt av Det norske videnskapsakademi i Oslo, II, Hist. fil. klasse*. Kristiania, 1922. S. 231–236; Никольский В. Н. На русско-норвежской границе. Архангельск, 1914. С. 4.
10. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995. S. 39–46.
11. Johnsen Loc. Cit. (Note 5), 218–219, *The Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire* (AVPRI) F. 53/3. D. 661, D. 662.
12. Medvedev S. A General Theory of Russian Space: A Gay Science and a Rigorous Science, in J. Smith (ed.) *Beyond the Limits: The Concept of Space in Russian History and Culture*. Suomen Historiallinen Seura, Helsinki. P. 18; Tolz Vera. *Russia. Inventing the Nation Series*. London, 2001. P. 159; Berdyayev N. *The Origin of Russian Communism*. London, 1937.
13. Чулков Н. К истории разграничения России с Норвегией. М., 1901. С. 154–155.
14. Andresen A. States Demarcated-People Divided: the Skolts and the 1826 Border Treaty // *Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders* / Ed.: T. N. Jackson, J. P. Nielsen. Moscow, 2005. PP. 80–104.
15. Joenniemi Pertti & Sergounin Alexander. *Russia and the EU's Northern Dimension. Encounter or Clash of Civilisation?* Nizhny Novgorod, 2003.

Рецензент – Ю. Ф. Лукин,
доктор исторических наук, профессор